

Все это вымысел. Я хочу подчеркнуть, что все события и персонажи — плод моей фантазии. Сходство с реальными событиями и ситуациями может быть разве что случайным. Однако я позволила себе использовать названия неких существующих в реальности мест и имена некоторых известных людей, чтобы придать своему повествованию убедительность. Я делала все это с уважением и надеюсь, что мне это удалось хорошо. Отдельные подробности я изменила, чтобы они лучше соответствовали замыслу. Некоторые места являются вымышленными и существуют только в этом вымышленном мире.

*Посвящаю моей бабушке Ингрид —
неиссякаемому источнику вдохновения
как в писательском труде,
так и в жизни в целом.*

Все мы — дети своей эпохи,
Все мы — дети своей эпохи,
Неужели, милая мамочка,
Ты боишься своих же детей?

Ульф Дагеблю

18 АВГУСТА, ПОНЕДЕЛЬНИК

Эллен, 10:00

Мысли неслись с той же скоростью, с какой Эллен проезжала бескрайние поля, дремучие леса и крошечные поселки. Свернув на национальную трассу 52, она опустила боковое стекло. Гул ветра в ушах немного заглушил тоску.

Прошедшая неделя выдалась хуже некуда.

Строго говоря, ей не следовало садиться за руль. Она совершенно измотанная, вялая и хочет одного — спать. От лекарств ей трудно сосредоточиться и четко мыслить. Чтобы не заснуть, она жевала жвачку, включила радио, тут же выключила и снова включила. Через некоторое время выбрала другую станцию, сделала звук погромче, потише. Словно это могло помочь. Нервозность ощущалась во всем теле.

Все вышло совсем не так, как она предполагала.

Солнце жарило нещадно, над асфальтом висело горячее марево. Эллен поправила солнечные очки.

Лето она провела в постели — в компании дождя, барабанившего по крыше. Сделав в конце мая репортаж о пропаже Люкке, она почти не выходила за дверь, отгордившись от всего остального мира.

Стояло такое лето, когда лета, собственно, и нет. Ему предшествовала холодная и дождливая весна. И только когда наступил август, пришло долгожданное тепло. И именно тогда — когда вода ярко блестела у моста Шеппсбрун, когда чайки кричали, а радостные туристы ели мороженое и веселились так, что их смех доносился до ее спальни, — все вдруг перевернулось с ног на голову. Словно она висела под потолком, глядя оттуда на саму себя. Она махала руками, кричала, пытаясь повернуться, стать прежней, — но не узнавала себя. Как будто стала кем-то другим — или вовсе перестала существовать.

Если бы не Филипп... Страшно даже подумать, что могло бы произойти, не будь у него ключей от ее квартиры, — если бы он не пришел и не отправил ее в больницу.

Филипп все лето работал гримером на съемках сериала «Отель Парадайз». Он заволновался, что Эллен не отвечает на телефон. Вернувшись в Стокгольм, отправился напрямик к ней домой и увидел, как плачевно обстоят дела.

Филипп знал ее лучше, чем кто-либо другой. Они дружили еще со школы. Обоих отправили в престижную школу-интернат Лундберга против их воли. Эллен — потому что родители давно мечтали отделаться от нее, а Филиппа — потому что он был гей, и это совершенно не вписывалось в картину семьи аф Лестеров. А теперь они стали коллегами на телеканале «ТВ-4».

Проведя сутки в больнице святого Йорана, Эллен отправилась домой на больничный — ей предписали продолжать лечение, при необходимости принимая лекарства. Поскольку она проживала одна, ей рекомендовалось в ближайшее время пожить с кем-то, кто мог бы за ней присматривать.

Филипп остался с ней на несколько дней, но когда ему надо было уезжать на очередные съемки в шхерах, договорился с родителями Эллен, что она поедет домой в Эрелу, чтобы мама присматривала и заботилась о ней — хотя Эллен уже исполнилось тридцать пять.

Датчик расхода топлива противно запищал, дисплей показал минимальный уровень горючего. В крошечном поселке Стентуна Эллен остановилась, чтобы заправиться.

Ее обдало жаром, едва она вылезла из машины. Подкралось легкое чувство тошноты.

Вставив пистолет в отверстие, она вдохнула бензиновые пары. По спине стекал пот, от пыли с дороги во рту пересохло. Когда бак был полон, у Эллен возникло странное желание облизать мундштук заправочного пистолета. Она похолодела от такой дикой идеи и вошла в здание, чтобы заплатить. Заправка оставалась одной из немногих не выкупленных крупными гигантами. Пока.

Внутри было еще жарче, чем на улице, пахло кислым мясом и маслом. На дворе стоял август, но помещение было украшено безвкусными рождественскими гирляндами. Деда морозы и белые медведи теснились на полках рядом с автомобильными принадлежностями и аудиокнигами. Так было всегда, сколько она себя помнила, хотя на заправке за это время переменялось несколько владельцев.

— Бензин на третьей, — сказала она пожилому мужчине за кассой, махнув рукой в сторону окна, завешенного большими блестящими новогодними шарами.

— Ну, там всего одна машина стоит, так что я мог бы и так догадаться, — усмехнулся он, отгоняя муху. — Еще что-нибудь?

Эллен попросила бутылку воды, жевательную резинку и пачку сигарет. Насколько она знала свою маму, это ей понадобится.

Бутылку она сразу же открыла и выпила все до дна.

— Жарко, — проговорила она, словно желая объяснить свою жажду, и подергала низ майки, чтобы проверить живот.

— Восемьсот пятьдесят одна крона, — сказал продавец.

Вставив карточку в терминал, она набрала пинкод. В ожидании подтверждения операции покосилась на заголовки вечерних газет.

«РЕКОРДНАЯ ЖАРА» — было написано большими черными буквами в окружении нескольких солнц. «ФУТБОЛЬНЫЕ СТРАСТИ ВО ВРЕМЯ ДЕРБИ В СТОКГОЛЬМЕ. РЕКОРДНОЕ КОЛИЧЕСТВО ВИЛЛ ВЫСТАВЛЕНО НА ПРОДАЖУ. РОСТ РАЗВОДОВ ПОСЛЕ НЕУДАЧНОГО ЛЕТА».

— Вы по поводу убийства?

Эллен уставилась на продавца.

— Что-что?

— У вас на машине написано «ТВ-4». Вы журналистка?

— Да...

На заднем стекле у нее действительно красовалась небольшая наклейка, свидетельствующая о том, что хозяйка машины работает на телевидении, однако обычно не это привлекало внимание окружающих — а то, что у нее розовый «Порше».

— Я вас узнал. Вы ведь иногда выступаете в «Новостях», да? Надеюсь, вы здесь не для того, чтобы опозорить нас. Неужели Стентуна теперь прославится убийством?

— А что произошло?

— Знаете, как взлетят налоги на бензин? Лучше сделайте программу об этом — расскажите, как тяжело придется нам, живущим в сельской местности.

— Стоп, я чего-то не догоняю. О каком убийстве вы говорите? Кого-то убили здесь, в Стентуне?

— Да. Хотя она не отсюда — никто не знает, кто она такая. Она не из местных... в смысле — *была* не из местных.

Он подался вперед и понизил голос, хотя в магазинчике никого, кроме них, не было.

— Избили сурово. Господин Альварссон нашел ее сегодня утром, когда посыпал дороги солью. Поначалу мы подумали, что она приехала к кому-то в гости, но похоже, никто ее не знает. Нас ведь здесь не так много. Надеюсь, не получится, как с Малександером.

— Думаю, об этом можно не волноваться, — сдержанно ответила Эллен, решив не рассказывать ему, сколько людей каждый год забивают до смерти — и насколько мало этим обычно интересуются СМИ.

— Ну, не говорите — похоже, это жестокое убийство. Машина стояла у края дороги, и когда Альварссон проезжал мимо, то сразу заподозрил — что-то не так. Вышел посмотреть, что там происходит, и нашел ее, мертвую. Забитую до смерти. Говорит — такого кошмара в жизни не видел.

— Где это было?

— На краю поля Альварссона. По дороге на Ольбергу.

Он указал рукой направление.

Эллен знала это место.

— Сколько ей было лет, не знаете?

Продавец пожал плечами.

— Альварссон сказал, что она, пожалуй, была хороша собой.

Взяв на прилавке ручку, она написала на обороте чека свой телефон.

— Позвоните мне, если узнаете что-нибудь интересное.

— Меня тогда покажут по телевизору?

— А вы прекрасно смотрелись бы на экране, — ответила она и, улыбнувшись, вышла на улицу.

Снаружи она остановилась. Холодок пробежал по телу.

Смерть. Смерть преследует ее. Стоило ей выйти из квартиры, как в лицо дохнуло мертвечиной.

Ее отвлек внезапный смех, раздавшийся с другой стороны дороги. Там находилась школа Стентуны, школьный двор был запружен играющими детьми. Звуки окружили ее, и на мгновение Эллен захотелось перенестись туда. Там все выглядело так безоблачно. Дети казались такими неиспорченными и счастливыми.

Сев в машину, Эллен прижала голову к стеклу. Ах, как ей хотелось бы начать все сначала! Переделать всю свою жизнь.

Но в действительности ей хотелось лишь одного — бежать, бежать прочь от всего. Вместо этого она возвращалась туда, откуда все началось.

Как же так могло получиться?

Ханна, 10:15

Дети стояли группками на школьном дворе. Нервозно передвигались туда-сюда, подзуживая друг друга. Эти «игры во власть», как они называли их в школе, переходят все границы. У детей сложились целые ритуалы с унижениями и насилием, которым трудно по-

ложить конец. В воскресенье на экстренном совещании учителей они посмотрели видео, где трое подростков избивали мальчика. Они били его ногами, плевали в лицо, а он валялся на земле, умоляя их его не убивать. Кто-то все это снял, выложил на разных форумах в интернете, и этот клип видели и обсуждали все. Полиция пока не идентифицировала никого из участников, однако заявила, что происходящее на видео нельзя назвать большой редкостью. Ханна жутко боялась, что, если это не остановить, кого-нибудь убьют, и у нее просто не было сил думать о том, что на месте кого-то из детей в этом видео мог быть ее сын.

Где Алиса? Ханна огляделась. Завертелась на месте. Сердце забило чаще.

— Алиса, где ты? Я тебя не вижу. Выходи, пожалуйста!

Почему она не следила за дочерью? Ханна вытерла со лба пот и пыль. Локоны прилипли к лицу, и она прихватила длинные тяжелые волосы резинкой, прежде чем бежать дальше к ящику с песком. «Если ее там нет, позову на помощь», — подумала она, скользя по сухому гравию. Когда она подняла крышку, на нее взглянули перепуганные детские глаза. Кукольное личико казалось таким серьезным — в сознании Ханны на мгновение промелькнул образ Алисы во взрослом возрасте.

— Что ты делаешь, мама? Закрой крышку!

— Прекрати так исчезать. Вылезай!

Ханна схватила ее за руку и вытянула из ящика, хотя дочь сопротивлялась.

— Но другие увидят! — Алиса дрыгала ногами. — Пусти меня!

— Когда я зову тебя, ты должна сразу же подойти ко мне, слышишь?

Алиса всегда прекрасно умела прятаться, а в последнее время ситуация ухудшилась — теперь она вытворяла такое, чего никогда раньше не делала. Тревога совершенно измотала Ханну — достаточно уже того, что она беспокоится за Карла.

— Мамочка, прости, но мне пришлось... — Алиса наморщила личико, как всегда делала, когда собиралась заплакать. Глаза быстро наполнились слезами.

Как всегда, ее слезы поразили Ханну в самое сердце.

— Нет-нет, девочка моя, это ты меня прости.

Она попыталась улыбнуться. Прижала к себе Алису и уткнулась лицом ей в затылок, между косичками.

— Я не хотела на тебя кричать — просто не знаю, что на меня нашло. Во что вы играете?

Дочь поспешно вывернулась из ее объятий.

— Ни во что.

— Ты же знаешь — ты можешь все мне рассказать.

— Да нет, ничего.

Алиса убежала к подружкам, играющим во дворе.

Карл стоял посреди группки ребят, искоса поглядывая на нее своими голубыми глазами, которые унаследовал от отца. Он был одним из самых старших ребят в школе — на голову выше остальных. Дети из младших и средних классов смотрели на него с восторгом и толпились вокруг.

Стоит ли Ханне подойти к нему и спросить, что происходит, или станет еще хуже? Проблем у них и без того предостаточно. Страх нарастал параллельно с головной болью, которая началась у нее из-за вчерашнего неумеренного употребления вина.

Ханна обвела взглядом двор и старое деревянное здание школы с белыми резными ставнями, в которое когда-то влюбилась с первого взгляда.

Воздух был неподвижен, вымпел на флагштоке школы уныло повис. Лес позади школы вдруг показался ей темным и грозным. Взгляд обратился на машины, пролетавшие сквозь Стентуну по трассе — явно с превышением скорости. Голоса кричащих, смеющихся детей смешались в единый гул. Сердце отчаянно билось, и Ханну не покидало чувство, что кто-то следит за ней.

— Ай!

Она резко обернулась, когда кто-то ущипнул ее сзади за попу.

— Юхан, прекрати. Что ты делаешь, черт подери?

Провалы в памяти заполнялись один за другим, и ей хотелось, чтобы можно было перемотать все события назад. Ей не нужно было вчера пить так много вина — и уж тем более не следовало дать себя соблазнить.

— Не ругайся, дети могут услышать, — ухмыльнулся он.

Ханна взглянула на него с отвращением.

— Прекрати! Ты не имеешь права ко мне прикасаться. Ты что, не понимаешь, что дети могут увидеть? Думаешь, хорошо выйдет, если они будут думать, что парням можно так вести себя с девушками? Как директор школы ты несешь ответственность.

Ей было странно, что приходится напоминать ему о таких вещах.

— Ой-ой, да успокойся же — вчера ты совсем по-другому пела. Да, какой ужас, если они вырастут похожими на меня — большого ужасного Юхана.

Он напряг мышцы.

— Я могла бы подать на тебя жалобу за сексуальные домогательства.

Щеки у нее горели, ей пришлось собрать волю в кулак, чтобы сдержаться.